

А. П. БАРАННИКОВ

ЭЛЕМЕНТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИНДОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Классические труды И. В. Сталина, посвященные вопросам языкознания, сняли путы с творческой мысли советских лингвистов. Они рассеяли метафизический туман, окутывавший последователей «нового учения» о языке, и открыли широкие перспективы для дальнейшего развития советского языкознания.

Господство «нового учения» о языке не могло не сказаться пагубным образом на развитии языкознания и смежных с ним научных дисциплин. Подлинно научное изучение языков, особенно же историческое изучение их, не только было оставлено в пренебрежении, но на него был наложен суровый запрет.

Это и понятно: факты истории любого языка, развитие которого нам известно на протяжении значительного периода, способны с неопровержимой ясностью показать нелепость многих «принципиальных» положений «нового учения» о языке.

Господство этого «учения» поставило в весьма трудное положение как языковедов, прошедших школу в «домарровскую эпоху», так и особенно языковедов, воспитанных на основе «нового учения».

Старшее поколение лингвистов почти не имело возможности развивать и совершенствовать на основе марксистской методологии историческое изучение языков; молодые языковеды не прошли научной школы и зачастую не имели представления о научном историческом изучении языка и о сравнительно-историческом методе в языкознании.

Эти причины объясняют создавшееся в советском языкознании состояние застоя. Чтобы развивать наше языкознание, необходимо, как можно скорее, «...вывести его из кризиса, который оно переживает теперь»¹.

И. В. Сталин указал советским лингвистам путь, по которому можно выйти из создавшегося кризиса:

«Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание»².

И. В. Сталин с совершенной ясностью, столь характерной для него, указывает, что оздоровление советского языкознания может быть достигнуто не простым восстановлением и оживлением дореволюционных методов изучения языка, а «внедрением марксизма в языкознание».

Внедрение марксизма в языкознание невозможно без пересмотра основ-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 34.

² Там же.

ных, принципиальных методологических установок и положений, имеющих хождение в советском языкознании.

Эта работа начата советскими лингвистами вскоре после выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина, посвященных вопросам языкознания.

Совершенно понятно, что советские языковеды основное внимание направили на критику антинаучных положений и концепций Н. Я. Марра. Наиболее ценной работой этого рода является сборник статей «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», получивший положительную оценку советской критики³.

Значительно меньше внимания в последнее время было уделено положениям и концепциям традиционного индоевропейского языкознания. В этой области мы имеем лишь несколько серьезных работ. Таковы работы Л. А. Булаховского, Б. А. Серебrenникова, Б. В. Горнунга и некоторые другие. Все они касаются вопроса о сравнительно-историческом методе.

Это совершенно понятно, так как именно на сравнительно-исторический метод направил внимание советских языковедов И. В. Сталин, говоря о преимуществах этого метода, который толкает к работе и к изучению языков. И. В. Сталин говорил: «...Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический“. А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра...»⁴

Это прямое указание нашего вождя на сравнительно-исторический метод, на его достоинства и недостатки, выдвигает перед нами требование рассмотреть вопрос о возникновении этого метода.

В европейской буржуазной лингвистической традиции стало аксиомой положение, согласно которому сравнительный метод изучения языков обязан своим возникновением Фр. Боппу, а начало историческому изучению языков было положено Я. Гриммом.

Обычно говорится, что первым образцом применения сравнительного метода является труд Фр. Боппа, посвященный системе спряжения индоевропейских языков, вышедший в свет в 1816 г.⁵

Первым образцом применения исторического метода в языкознании считают книгу Я. Гримма по истории немецкого языка⁶.

В нашей советской лингвистической литературе уже было указано на неправильность этого последнего утверждения. Приоритет в создании исторического метода принадлежит не Я. Гримму, а русскому ученому А. Х. Востокову⁷. Труд А. Х. Востокова, почитающийся краеугольным камнем для дальнейших трудов по исторической грамматике славянских языков, должен рассматриваться как старейший образец работ по истории языка.

Приоритет Фр. Боппа в деле создания сравнительного метода остается в буржуазной лингвистике незыблемым, хотя и отмечалось неоднократно, что на близость санскрита к классическим европейским языкам до него указывалось разными авторами, в особенности же В. Джонсом, который

³ См. С. Бархударов, Сборник статей по вопросам языкознания, «Большевик», 1951, № 23, стр. 74—80.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

⁵ Fr. Bopp, Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der Griechischen, Lateinischen, Persischen und Germanischen Sprachen, Frankfurt, 1816.

⁶ J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, B., 1848.

⁷ А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам, М., 1820.

говорил об этом еще в работе, относящейся к 1786 г. Многие другие ученые отмечали близость санскрита к авестийскому языку, а также к древнеперсидскому, немецкому и другим языкам.

Мне представляется, что в свете этих высказываний вопрос о приоритете Фр. Боппа в деле создания и применения сравнительного метода требует пересмотра.

Для нас заслуживает интереса факт, что еще в конце XVIII и в первое десятилетие XIX в. разные ученые обратили внимание на большую близость санскрита к русскому языку, т. е. на тот вопрос, который в последние годы, когда русский язык в значительных размерах стал изучаться в Индии, привлекает особенное внимание индийских лингвистов.

Вопрос о родстве русского языка с санскритом наиболее подробно был рассмотрен в начале XIX в. русским ученым, который не назвал своего имени⁸. Из предисловия Н. Греча к этой работе мы ничего не узнаем о ее авторе. Н. Греч только отмечает, что это сочинение было поднесено Российской Академии Наук «без имени сочинителя».

В предисловии к своей работе анонимный автор говорит: «Знаменитой Академии Российской предлежит наконец присовокупить к многочисленным, важным услугам, оказанным ею Русскому языку, рассмотрение сих любопытственных изысканий и исследование сего важного предмета, ибо у ней находятся все средства, необходимые для сего многотрудного предприятия. Подношу сии листки ученым ее членам, горящим истинною любовью к отечеству, дабы пригласить их к труду полезному и обещающему успех; прошу их приступить к дальнейшим изысканиям, могущим еще более пояснить сей предмет, доставить явщее богатство в составлении речений и выражениях, обильному, сильному и благозвучному языку русскому, и присоединить оный снова к единоплеменной с ним отрасли, сродство с которой ни мало его не унижит» (стр. 6).

На основании материалов, собранных его предшественниками, автор дает 178 санскритских слов, указывая их значения и соответствия в русском языке.

Записки, прошедшие через несколько рук, далеко не совершенны. Кроме того, в них наблюдаются еще значительные расхождения, явившиеся результатом того, что одни и те же санскритские слова даются либо в западном, либо в восточном произношении. Разные произносительные варианты считаются отдельными словами, например, *асту* — «есть» и *ости* — «есть».

Несмотря на значительное число ляпсусов подобного рода, большинство параллелей, приводимых автором, сохраняет значение и в настоящее время, и автор достигает своей цели — демонстрация «чрезвычайного сходства Санскритского языка с Русским».

Сопоставление отдельных слов дополняется таблицей спряжения глагола *быть* в настоящем времени. (См. таблицу на стр. 47).

При всех неправильностях, объясняющихся недостаточным знанием санскрита как у автора работы, так и у авторов трудов, из которых он почерпнул свои сведения, представленная таблица дает образец применения сравнительного метода. Автор рассуждения «О сходстве санскритского языка с русским» подошел к сравнительному методу в той его форме, как он применялся в ранних трудах этого рода.

После опыта, подобного опыту русского автора и некоторых других исследователей, задача Фр. Боппа оказалась по существу несложной:

⁸ О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено Импер. Российской Академии., СПб., 1811.

он должен был только демонстрировать сравнительный метод на более обширном материале.

Санскр.	Русск.	Латинск.	Греческ.	Старо-нем.	Исландск.
<i>асми</i>	<i>есмь</i>	<i>sum</i>	<i>εἰμι</i>	<i>im</i>	<i>er</i>
<i>аси</i>	<i>еси</i>	<i>es</i>	<i>εῖς</i>	<i>is</i>	<i>ert</i>
<i>асми</i>	<i>есмь</i>	<i>est</i>	<i>ἐστί</i>	<i>ist</i>	<i>er</i>
<i>асму</i>	<i>есмы</i>	<i>sumus</i>	<i>ἐσμέν</i>	<i>sijum</i>	<i>erum</i>
<i>асмху</i>	<i>есме</i>	<i>estis</i>	<i>ἐστέ</i>	<i>sijuth</i>	<i>erud</i>
<i>асми</i>	<i>суть</i>	<i>sunt</i>	<i>εἰσι</i>	<i>sind</i>	<i>eru</i>

В одном отношении Фр. Бопп делает даже шаг назад по сравнению с нашим соотечественником: в первом издании своего труда им не были привлечены к сравнению славянские языки, между тем как родство санскрита со славянскими языками было известно задолго до Боппа.

* * *

Положение о том, что сравнительный, или точнее, сравнительно-исторический метод возник в XIX в. в результате работ европейских ученых, нуждается в серьезном пересмотре и на основе фактов древнейшей индийской лингвистической традиции.

Факты эти говорят, что еще в весьма далекой древности индийская лингвистическая традиция знала элементы сравнительно-исторического метода.

Корни индийской лингвистической традиции, как это давно известно, восходят к весьма отдаленной эпохе, однако языковедческие работы, создававшиеся в течение длительного периода до середины первого тысячелетия до н. э., не дошли до нас. О них мы знаем на основании того, что древнейший доступный нам лингвистический труд, грамматика Панини, по своей форме, по широкому охвату разнообразных языковых фактов и по их трактовке предполагает существование сложной и длительной лингвистической традиции.

Сам Панини (V в. до н. э.) называет ряд своих предшественников, а именно: Апишали, Кашьяпа, Гаргья, Галава, Чакравармана, Бхарадваджа, Шакараяна, Шакалья, Сенака и Спхотаяна.

Кроме этих десяти своих предшественников, Панини называет также две школы языковедов, что уже было отмечено О. Бётлингом⁹, а именно северную (*udāñic*) и восточную (*grāñic*), и многократно отмечает различие между его собственными положениями и положениями представителей разных школ и ученых авторитетов.

⁹ P ā n i n i's Grammatik, herausgegeben von O. Böhtlingk, Leipzig, 1887, Einleitung, стр. IX.

Несмотря на то, что Европа познакомилась с грамматикой Панини около ста лет назад, этот замечательный труд надлежащим образом не изучался.

Причина этого обстоятельства лежит главным образом в том, что грамматика Панини облечена в весьма своеобразную форму. Ее правила (сутры) весьма близки к алгебраическим формулам, которые без специального изучения совершенно непонятны даже для человека, хорошо знающего санскрит. Например:

Сутра *ata initanau* (5.2.115)¹⁰. Без комментария эта сутра не может быть понята. Комментарий же гласит: «К основе, оканчивающейся на *a*, присоединяются суффиксы *-in* и *-ika*».

Сутра *ato heḥ* (6.4.105). Согласно комментарию, эта сутра значит: «В императиве после *a* личное окончание 2-го л. единств. ч. отпадает».

Сутра *ano nuṭ* (8.2.16). Согласно комментарию, значит: «После основы на *-an* суффикс *-mat* получает в ведическом языке аугмент *n*».

Только весьма незначительное число сутр облечено в более или менее понятную форму. Таковы, например:

Сутра *bahusu bahuvacanaṁ* (1.4.21). (Когда говорится) «о многих, (употребляется) множественное число», или

Сутра *bahulaṁ chandasi* (2, 4, 73 и др.). «В ведах различным образом строятся формы данной категории».

Грамматика Панини построена на весьма широкой основе. Автор не раз говорит о диалектических особенностях древнеиндийского языка на востоке страны (4.1.22, 4.1.57, 4.1.60, 4.2.20, 6.2.74 и др.), называет ряд особенностей разговорного языка (3.2.108, 4.1.62, 6.1.18 и др.) и многократно говорит об особенностях ведического языка.

Основное внимание Панини обращает на стандартную форму древнеиндийского языка, впоследствии получившую название санскрита.

В грамматике Панини, таким образом, мы имеем первую в истории Индии нормативную грамматику индийского языка. Нормы этого языка определены с исключительной ясностью и полнотой.

Кому принадлежит столь широкий план трактовки языкового материала, самому ли Панини или его предшественникам, мы в настоящее время лишены возможности сказать с полной уверенностью. Учитывая, однако, тот факт, что начало науки о языке в Индии было тесно связано с изучением языка Вед, сплошной текст которых еще в глубокой древности был разделен на отдельные слова и морфемы, мы можем предполагать, что элементы ведического языка должны были занимать значительное место в трудах предшественников Панини, может быть, гораздо большее, чем в труде этого классика древнеиндийской науки о языке.

О ведическом языке Панини говорит только в относительно небольшом числе сутр — немного более чем в 200 сутрах, тем не менее, — при лаконичной сжатости его положений и правил, он сумел коснуться весьма значительного числа явлений ведического языка: фонетических, морфологических и синтаксических. Наибольшее внимание он уделяет фактам морфологии и словообразования.

Фонетике ведического языка в ее отличие от фонетики санскрита Панини уделяет немного места. Из фонетических явлений наиболее подробно он говорит о сандхи, т. е. о правилах, регулирующих звукоизменения, получающиеся в результате встречи различных звуков при построении форм или при соприкосновении слов, непосредственно следующих одно за другим в речевом потоке. Этому вопросу посвящен, например, ряд сутр в шестой книге грамматики Панини (6.1.15—6.1.22).

¹⁰ Здесь, как и в последующем изложении, тремя цифрами обозначается соответственно книга, глава и сутра санскритской грамматики Панини.

Меньше внимания Панини уделяет различиям в исторической фонетике, редко их касаясь. Таково, например, его указание на различие рефлексов гласного *ṛ* в формах, образованных от глагола *paṅ* — *наполнять*. В санскрите, согласно сутре 7.1.102, от этого корня будут образованы формы *pūrta* — *полный*, *pūrṇyati* — *наполняет*, а в ведическом языке, согласно сутре 7.1.103, — *rapritama* и *rapurī*.

Касаясь ударения, Панини говорит преимущественно о различиях в ударении в именных формах (например, 6.1.178) и особенно в словообразовании. Реже говорит он о различиях в ударении в глагольных формах. Так, например, Панини указывает, что в отличие от санскрита, где окончание 2-го л. единств. ч. императива *hi* всегда должно носить ударение (3.4.87), в ведическом языке (3.4.88: *vā chandasi*) ударение на окончании *hi* необязательно.

Интерес Панини к вопросам ударения не теоретический, а чисто практический. Он говорит лишь о тех явлениях, знать которые необходимо в целях правильного чтения, вернее, декламации.

Значительно подробнее Панини говорит о явлениях морфологических.

Обращаясь к глаголу, он отмечает, что в отношении образования глагольных основ настоящего времени принадлежность глагольных корней к определенным классам, принятым в санскрите, в ведическом языке не выдерживается (3.1.85).

Так, обращаясь, например, к глаголам, принадлежащим в санскрите по образованию основы настоящего времени ко второму классу (2.4.72), Панини указывает, что в ведическом языке в построении основ этих глаголов наблюдается разнообразие (2.4.73: *bahulaṁ chandasi*), так как ряд глаголов, принадлежащих в санскрите ко второму классу, в ведическом языке может строить формы настоящего времени не только по второму санскритскому классу, но и по первому. Например, от глагола *han* — *убивать* в одинаковой мере употребительны формы *hanti* — *убивает* (второй класс) и *hanati* (первый класс). Глагол *śi* — *лежать* также может в ведическом языке строить свои формы как по второму классу (*śete* — *лежит*), так и по первому классу (*śayate*).

Говоря об основах настоящего времени, образующихся в санскрите путем удвоения (третий класс), Панини указывает, что в ведическом языке от корней глаголов, относимых в санскрите к третьему классу, основы и формы настоящего времени могут быть образованы по-разному, в частности и по второму классу. Например, наряду с формой *dadāti* — *дает*, в ведическом языке закономерна форма *dāti* — *дает*. Санскритской форме *dadhāti* — *кладет* соответствует ведическая форма *dhāti*, и т. д.

Рассматривая формы аориста, Панини показывает, что в ведическом языке наблюдается большее разнообразие в построении форм аориста, чем в санскрите (3.1.50, 3.1.51, 3.1.59). Он отмечает также, что в ведическом языке нередко отсутствуют показатели аориста (2.4.80), в частности, может отсутствовать аугмент.

Панини отмечает весьма значительные различия между санскритом и ведическим языком в формах перфекта (3.1.42, 3.2.105—107), в построении форм абсолютива (3.1.118, 3.1.123), а также в управлении некоторых глаголов падежами.

Ряд сутр посвящен вопросам словообразования в ведическом языке, отличиям в построении форм женского рода (4.1.46, 4.1.71), деноминативных образований (4.3.22, 5.1.61 и т. д.), различиям в образовании наречий, частиц и т. д.

В области именного склонения Панини указывает (7.1.50) на характерные отличия ведического языка, а именно:

окончание *-āsas* в им. пад. множ. ч. у основ на *a* мужск. рода, кото-

рому в санскрите соответствует окончание *-ās*. Например, в Ригведе: *brāhmaṇāsaḥ* — *брахманы*, в санскрите — *brāhmaṇāḥ*¹¹;

ведическое окончание *ā* в им., вин., зват. пад. множ. ч. среднего рода вместо санскритского окончания *-āni* (6.1.71). Например, в ведическом *kṣetrā* — *поля*, в санскрите *kṣetrāṇi*; в ведическом *vanā* — *леса*, в санскрите — *vanāni* и другие.

Из глагольных личных окончаний, свойственных ведическому языку, Панини отмечает окончание 1-го л. множ. ч. наст. вр. — *-masi*, которому в санскрите соответствует *-mas*. Например, ведическому *vāsayāmasi* — *мы освещаем* соответствует санскритское *vāsayāmaḥ*.

Одной из наиболее ярких особенностей ведического языка, отмеченных Панини, является наличие в ведическом языке большого числа окончаний инфинитива. В санскрите инфинитив имеет только одно окончание *-tum*, в ведическом же, как это отмечает Панини, имеется пятнадцать окончаний инфинитива (*-se*, *-dhyai*, *-tavai*, *-tave*, *-toḥ* и т. д.).

Панини называет также ряд других особенностей ведического языка, имеющих менее широкое распространение.

Нами даны лишь немногие образцы сравнения санскрита с ведическим языком. В своем труде Панини сопоставляет эти языки по всем важнейшим разделам фонетики, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса, впервые в истории индийского языкознания давая образцы сравнительного метода.

Из представленных им фактов можно сделать общий вывод, что санскрит, нормализованный язык древней Индии, развился путем устранения многодиалектности, наблюдаемой в ведическом языке, в языке, который, несмотря на длительную работу многочисленных редакторов, сохранил много ярких образцов диалектизмов, свойственных племенным диалектам, на которых были написаны отдельные гимны Ригведы, в дальнейшем объединенные в этот большой сборник.

Как известно, нормализация санскрита явилась результатом преобладания диалекта так называемой Брахмаварты, области между Гангой и Ямуной, между Дели и Матхурой, т. е. диалекта экономического, культурного и политического центра древней Индии¹².

Сравнительный метод, применяемый Панини, имеет элементарно простую форму. Он только констатирует наличие особенностей в ведическом языке и не делает из этого факта никаких дальнейших выводов. Он рассматривает эти особенности в одной плоскости с нормами, установленными им для санскрита.

Он ни слова не говорит о возможности разной хронологизации рассматриваемых им фактов и не видит исторической последовательности между ведическим языком и санскритом.

Тем не менее собранный и систематизированный им материал в значительной степени ускорил в дальнейшем построение истории индо-арийских языков.

Метод сравнения Панини применяет только на материале заведомо близких языков. Как и другие народы древности, индийцы в изучении языка не выходили за пределы языков, родство которых было очевидно.

Идея развития, точнее, идея исторического развития, не нашла выражения в труде Панини, и часто отличия ведического языка от санскрита он рассматривает как неправильности.

¹¹ Конечное *h* (висарга) является в древнеиндийском в абсолютном исходе слов на месте звука *s*.

¹² Наличие еще в древней Индии единого литературного языка свидетельствует о том, что Индия еще в глубокой древности являлась культурным целым, и внешним выражением этого культурного единства был санскрит.

Об отсутствии у него идеи исторического развития языка говорит и то, что он ни одним словом не упомянул о формах среднеиндийских языков или пракритов. Это тем более удивительно, что в V в. до н. э., когда Панини писал свою грамматику, пракриты уже получили литературную обработку и широко употреблялись в литературе, например, последователями буддизма и джайнизма.

* * *

Идея исторического развития была привнесена в индийское языкознание последующими индийскими лингвистами, обратившимися к изучению среднеиндийских языков или пракритов.

Различия между древнеиндийским языком и пракритами настолько разительны и выступают с такой ощутительной ясностью, что сама собой является мысль об их более позднем происхождении, т. е. об исторической связи древнеиндийского языка с пракритами. Это выражено в известном положении «saṅskṛtaṁ prākṛtānāṁ mātā — санскрит — мать пракритов».

Идею о развитии пракритов из санскрита мы находим в древнейшем дошедшем до нас труде, посвященном пракритской грамматике, «Пракрита-пракаша» Вараручи¹³.

Вараручи Катъяяна, живший в III в. до н. э., был крупнейшим знатоком санскрита и пракритов своей эпохи. В своем труде он говорит о четырех пракритах: махараштри, пайшачи, магадхи и шаурасени. Махараштри рассматривается им как образец пракрита, как «идеальный» пракрит, пракрит вообще, и потому подавляющее большинство сур его труда посвящено именно пракриту махараштри. Трех остальным пракритам Вараручи уделяет мало внимания. Он только отмечает главные, наиболее бросающиеся в глаза особенности, которые отличают каждый из пракритов от основного пракрита махараштри.

Грамматика Вараручи облечена в обычную для Индии форму сур, написанных на санскрите и по своему характеру мало отличающихся от сур, принятых в грамматике Панини.

Вараручи ставит перед собой не теоретическую задачу — дать историю пракритов, а руководствуется чисто практической целью — показать, каким образом из санскритских слов и форм образовались пракритские, и дает своеобразные правила, как из санскритских слов получить пракритские, применения которых требовал канон древней индийской фонетики, особенно же канон старой индийской драмы. Однако, преследуя свою чисто практическую цель, Вараручи фактически дал историю среднеиндийских звуков и форм.

Первая глава труда Вараручи посвящена истории гласных звуков. Здесь с достаточной полнотой описаны основные моменты развития вокализма.

Вараручи, как правило, уделяет мало внимания фактам сохранения того или иного древнеиндийского звука в пракритах. Его привлекают факты дальнейшего их развития.

Так, например, обращаясь к краткому древнеиндийскому *a*, он начинает с положения, что этому звуку в первом слоге слова соответствуют в пракритах два рефлекса, а именно: *ā* и *a*. Например, санскритскому *saṃrddhi* — *изобилие* в пракритах соответствуют *sāmiddhi* и *samiddhi*; санскритскому

¹³ Vararuci, Prakṛtaprakāṣa, The First Complete Edition with Notes and English Translation, by E. B. Cowell, second issue, L., 1868.

prakāṭa — *явный* в пракритах соответствует pāadam и raadam; санскритскому¹⁴ abhijāti — *происхождение, рождение* — пракритское āhijāi и ahijāi.

В дальнейших сутрах Вараручи указывает, что древнеиндийскому *a* в пракритах соответствует *i*. Например, скр. rakva — *вареный, спелый*, прк. rikkam; скр. svarṇa — *сон*, прк. siviṇo, и т. д.

Далее, им отмечается исчезновение начального *a*: скр. agraṇa — *лес*, прк. garṇam.

Далее, появление на месте древнеиндийского *a* звуков *e* и *o*. Например, скр. śauyā — *ложе*, прк. seṇja; скр. trayodaśah — *тринадцать*, прк. teraho; скр. paṇamālika — *жасмин*, прк. nomalia.

После рассмотрения других рефлексов древнеиндийского *a* Вараручи указывает, что в пракритах факультативно может явиться новый звук *a* на месте древнеиндийского *ā*. Например, скр. yathā — *как*, прк. jāha, jahā; скр. tathā, прк. taha и tahā, и т. д.

Подобным же образом в этой главе Вараручи рассматривает историю других гласных. Развитие каждого звука богато иллюстрировано примерами, взятыми из широко употребительных слов.

Во всех представленных им примерах развития гласных Вараручи единственным источником пракритских слов считает санскрит. Диалектическая расчлененность пракритов, очень часто отражающая диалектизмы ведического языка, им полностью игнорируется. В этом отношении, как и во многих других, Вараручи остается верным установившейся индийской лингвистической традиции — все факты развития позднейших языков выводить из санскрита. Вторая глава труда Вараручи посвящена судьбам одиночных согласных, стоящих не в начале слова.

Вараручи указывает (2.2)¹⁵, что в этом положении девять древнеиндийских одиночных согласных, а именно: *k, g, c, j, t, d, p, y, v* в пракритах обычно исчезают из произношения. Например, скр. mukula — *почка*, прк. maṭlo; скр. sāgaza — *море*, прк. sāago; скр. vasaṇa — *слово*, прк. vaṇam; скр. gaja — *слон*, прк. gao; скр. kṛta — *сделан*, прк. kaam; скр. karpī — *обезьяна*, прк. kaī; скр. paṇaṇa — *глаз*, прк. ṇaṇa; скр. divasa — *день*, прк. diaho.

После этой сутры, имеющей общий характер, автор, в соответствии с установленной традицией, приводит многочисленные отступления от данного им общего правила.

Следующая сутра (2.27), имеющая общий характер, гласит, что пять древнеиндийских аспиратов, а именно: *kh, gh, th, dh, bh*, в пракритах теряют каждый свой затворный элемент и обращаются в *h*. Например, скр. mukha — *лицо*, прк. muham; скр. megha — *облако*, прк. meho; скр. gathā — *песня*, прк. gahā; скр. Rādhā, прк. Rahā; скр. gaṣabha — *осел*, прк. gasaho, и т. д.

Из других важнейших явлений истории одиночных согласных, стоящих между гласными, Вараручи указывает: а) на перебрализацию зубного древнеиндийского *ṇ*, например, скр. nadī — *река*, прк. ṇai; б) на совпадение древнеиндийских трех звуков *ṣ, ś* и *s* в одном звуке *s*, например, скр. vṛṣabha — *бык*, прк. vasaho; скр. śabda — *слово*, прк. saddo и т. д.; в) на появление в пракритах *l* на месте древнеиндийского *r*; например, скр. caṇaṇa — *нога*, прк. calaṇo.

В многочисленных других сутрах рассматриваются фонетические явления, не имеющие такого широкого распространения, как приведенные выше.

¹⁴ В дальнейшем в тексте мы будем обозначать: санскрит — скр.; пракрит — прк.

¹⁵ Из двух цифр, относящихся к грамматике Вараручи, первой обозначается глава, а второй сутра этой грамматики.

В третьей главе Вараручи рассматривает группы древнеиндийских согласных. Он указывает, что в пракритах они упрощены путем ассимиляции.

Вараручи дает примеры ассимиляции сначала двух затворных согласных, например, скр. *bhakta* — *благочестивый*, прк. *bhatta*; скр. *utpala* — *голубой лотос*, прк. *uppala*; скр. *supta* — *уснувший*, прк. *sutta*, и т. д., а затем примеры ассимиляции затворных с сонорными *m*, *n*, *y*, *l*, *v*, *ṛ*. Например, скр. *paṅga* — *нагой*, прк. *paṅga*; скр. *yoga* — *подходящий*, прк. *joggo*; скр. *valkala* — *кора*, прк. *vakkalam*; скр. *paṅka* — *вареный*, прк. *paṅka*, и т. д.

Следуя своему постоянному принципу выводить пракритские формы из стандартных форм санскрита, Вараручи нередко оказывается в весьма затруднительном положении. Так, например, санскритскому *sūrya* — *солнце* в пракритах соответствуют два рефлекс — *sūro* и *suṛjo*. Наличие этих двух рефлексов самому Вараручи представляется непонятным, нарушающим выставленные им же самим внутренние законы языка, в данном случае закон ассимиляции групп согласных: например, скр. *kāṇva* — *дело*, прк. *kaṇṇam*. Противоречие здесь исчезает без всякого труда, если мы допустим, что, наряду с древнеиндийской литературной формой *sūrya*, которая дает *suṛjo*, существовала диалектическая форма *sūriya*, *sūria*, которая в пракритах должна дать *sūro*.

В четвертой главе Вараручи рассматривает вопрос о судьбе конечных согласных как в абсолютном исходе слов, так и при словосложении.

Он указывает, что древнеиндийские конечные согласные в пракритах исчезают. Например, скр. *yaśas* — *слава*, прк. *jaśo*; скр. *paśhas* — *небо*, прк. *paṇam*; скр. *yāvat* — *сколько*, прк. *jāva*, и т. д.

Вараручи показывает, что фонетические изменения конца слова, в связи с исчезновением в ряде пракритов категории среднего рода, приводят к переходу подавляющего большинства имен существительных среднего рода в мужской род; меньшинство их переходит в женский род.

Пятая глава труда Вараручи посвящена склонению имен, шестая — местоимениям, седьмая и восьмая — спряжению глаголов. В девятой рассматриваются междометия.

Девятая глава заканчивается сутрой (9.18) *ṇeṣaṅ saṅskṛtāt* «остальное, как в санскрите».

Короткая десятая глава посвящена пракриту пайшачи. Основой его автор считает пракрит шаурасени.

В одиннадцатой главе очень коротко рассматривается пракрит магадхи, основой которого Вараручи считает также пракрит шаурасени.

Последняя, двенадцатая, глава пракритской грамматики посвящена пракриту шаурасени, основой и источником которого автор считает санскрит: *prakṛtiḥ saṅskṛtam*.

Представленные здесь факты позволяют сказать, что Вараручи дает рудиментарную форму сравнительно-исторической грамматики. Он применяет сравнительно-исторический метод задолго до того, как он получил свое развитие в Европе.

Вараручи, совершенно игнорируя наличие диалектов в ведическом языке, все факты среднеиндийских языков возводит к одному источнику — санскриту.

Подобно своим предшественникам и более поздним авторам, Вараручи оперирует только с фактами языков одной системы — индо-арийской, взаимное родство отдельных членов которой было известно давно и не нуждалось ни в каких доказательствах.

Хотя во второй половине первого тысячелетия до н. э. в Индии в течение более или менее значительного времени жили носители древнепер-

сидского, греческого и других языков, индийцы этих языков не изучали, и родство древнеиндийского языка с древнеперсидским и греческим языком им не было известно.

Таким образом, знакомство индийцев с рудиментарной формой сравнительно-исторического метода не привело к открытию индоевропейской системы языков и к тем большим результатам, которые имело это открытие.

* * *

После Панини и Вараручи индийские языковеды занимались преимущественно комментированием трудов своих предшественников. Они приносили иногда весьма существенные дополнения и поправки к их трудам, но не вводили нового материала.

Единственным крупным языковедом, которому в заслугу нужно поставить введение в область научного исследования нового материала, является Хемачандра¹⁶, автор XI в. Его труды по санскриту и пракритам дают мало нового по сравнению с трудами его предшественников, но он ввел в научный обиход материал по поздним среднеиндийским языкам, которые носят название апабхрانشа, и этим в некоторой степени заполнил в наших знаниях провал между пракритами и новоиндийскими языками.

После Хемачандры и завоевания Индии мусульманами средневековая индийская схоластическая наука не занималась изучением позднейших этапов в развитии индо-арийских языков.

Народные языки средневековой Индии, так называемые новоиндийские языки, проникли в литературное употребление в первой половине второго тысячелетия н. э., получив литературную обработку в разные столетия этого периода. С XI—XII вв. развивается литература на языке хинди, служившем как и другие новоиндийские языки начального периода их развития средством выражения демократических для своей эпохи идей. Наиболее культурный класс средневековой Индии, брахманство, пользовалось в качестве литературного языка санскритом, всеми мерами охраняя свою монополию на занятие наукой. После завоевания Индии мусульманами, которые ослабили путы жестокого кастового гнета, на литературную арену выходят представители воинской касты и различных угнетенных каст северной Индии. Они восставали против кастового строя, требовали социального равенства, отрицали привилегии брахманства. Эти свободолобивые идеи выражались представителями разных «еретических» сект в художественных произведениях, имевших религиозную окраску.

Брахманство с самого начала относилось крайне враждебно к новоиндийской литературной традиции за ее «еретические» и «мятежные» идеи. В результате этой кастовой вражды новоиндийские языки, которые рассматривались брахманством как «грубые жаргоны», не привлекались к научному изучению. Новоиндийские языки находились вне сферы внимания местных индийских лингвистов до начала XIX в.

Даже в XIX в. новоиндийские языки очень мало привлекали внимания ученых хинду, брахманов. Только после подъема в Индии национально-освободительного движения, вызванного идеями Великой Октябрьской социалистической революции, индийские ученые стали серьезно занимать-

¹⁶ Siddhahemacandra... herausgegeben von R. Pischel. Halle, 1877—1880.

ся проблемами своих национальных языков и создали крупные работы в области лексикографии, грамматики и сравнительно-исторического изучения новоиндийских языков.

* *

Во второй половине XIX в. вопросами сравнительного изучения новоиндийских языков занимаются европейские индологи-лингвисты, которые создают труды по сравнительной грамматике новоиндийских языков. Первым вышел трехтомный труд Дж. Бимза¹⁷, за ним последовала однотомная сравнительная грамматика Р. Хернле¹⁸.

Обе названные работы имеют важное значение в истории сравнительного изучения новоиндийских языков. Они использовали уже известный материал по сравнительному изучению индийских языков, собранный классиками индийской грамматики, и привлекли значительный материал по новоиндийским языкам, материал, который брахманством оставлялся в пренебрежении.

По своему построению и методу изучения материала труд Дж. Бимза теснейшим образом примыкает к пракритской грамматике Вараручи. Сам Бимз отмечает это, говоря об издании «Пракрита-пракаша»: «Это замечательное издание главного труда по пракритам послужило основой настоящего тома»¹⁹.

По своим методологическим установкам к грамматике Бимза теснейшим образом примыкает сравнительная грамматика Р. Хернле. Она выгодно отличается от рыхлого труда Бимза большей сжатостью, большей четкостью формулировок и более значительным привлечением свежего материала по новоиндийским языкам.

Еще в конце прошлого века известный индолог Г. Грирсон²⁰ отметил основной недостаток двух названных и близких к ним работ, авторы которых пытаются все явления новоиндийских языков вывести из санскрита и забывают о существовании народных языков, поздних пракритов, носящих название апабхрانشа, к которым непосредственно и восходят формы новоиндийских языков, подобно тому как различные романские языки восходят не к классическому латинскому языку, а к вульгарной латыни.

Значение этого факта, т. е. выведения всего разнообразия звуков и форм, наблюдающихся в новоиндийских языках, из одного источника — санскрита, увеличивается еще более, если принять во внимание, что диалект, на котором основан санскрит, помимо его литературной обработки и шлифовки, значительно отличается от более древнего многодиалектного ведического языка, который некоторыми явлениями фонетического и морфологического порядка органически связан со среднеиндийскими, а через них и с новоиндийскими языками.

Совершенно понятно, что этот дефект обоих названных трудов по сравнительной грамматике объясняется тем обстоятельством, что оба они продолжают традицию Вараручи.

Большой и принципиальный недостаток трудов Дж. Бимза и Р. Хернле в значительной степени был ликвидирован сравнительной грамматикой

¹⁷ John Beames, A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India, vol. I—III, L., 1872—1879.

¹⁸ R. Hoernle, A Comparative Grammar of the Gaudian Languages, L., 1880

¹⁹ J. Beames, A Comparative Grammar. Preface, стр. X.

²⁰ G. A. Grierson, On the Phonology of the Modern Indo-Aryan Vernaculars, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Ges., 1895, B. 49, стр. 395.

Ж. Блока²¹. Ж. Блок поставил перед собой грандиозную задачу — рассмотреть историю индо-арийских языков от ведического языка до современности, от ведического до современного цыганского языка.

Начав историю индо-арийских языков с ведического и санскрита, автор уделяет значительно больше внимания, чем его предшественники, разным формам среднеиндийских языков, не ограничиваясь фактами, засвидетельствованными в грамматике Вараручи, и дает весьма краткое, но систематическое изложение истории звуков и форм новоиндийских языков.

Построение сравнительно-исторической грамматики Ж. Блока представляет образец, так сказать, анатомирования языка. Он дает только историю каждого отдельного звука и каждой отдельной формы. Он анатомирует язык и не показывает взаимосвязи в развитии фонетики и морфологии, а между тем без выяснения этой взаимосвязи нельзя понять путь развития форм, путь развития грамматики языка и грамматического строя.

Основной недостаток этой книги, как и других интересных работ Ж. Блока, заключается в полном отрыве истории индийских языков от истории носителей этих языков. В этом отношении Ж. Блок теснейшим образом примыкает к Дж. Бимзу и Р. Хериле, а через них и к Вараручи.

Автор, ученик Мейе, сам сознает этот недостаток своего труда. Он находит для себя оправдание в том, что индийская историческая традиция не сохранила подлинно исторических, точно датированных и локализованных письменных памятников²².

* * *

Трудами Вараручи и других названных историков индо-арийских языков установлены только наиболее общие законы развития этих языков. Изучение законов развития отдельных языков начато лишь в недавнее время. Лучшими работами в этом отношении являются труды Ж. Блока по истории маратского языка²³ и труд индийского ученого Сунити Кумар Четтерджи по истории бенгальского языка²⁴.

Сложная история индо-арийских языков, развивающихся в письменной традиции на протяжении более четырех тысяч лет, при трактовке ее на надлежащей научной основе советским лингвистом, дает много фактов, представляющих общетеоретический интерес для сравнительно-исторического изучения различных языков.

Это можно видеть из следующих положений, в которых вкратце дана история индо-арийских языков.

Наиболее общие законы развития от древнеиндийских языков к среднеиндийским, т. е. к пракритам, вкратце можно выразить в следующих положениях. При переходе к пракритам наблюдается:

1) исчезновение из произношения ряда гласных, свойственных древнеиндийскому языку, а именно: $\bar{r}$, $\bar{e}$, $\bar{l}$, ai , и au ;

2) исчезновение из произношения ряда одиночных согласных, стоящих между гласными: k , g , c , j , t , d , p , y , v ;

3) утрата затворного элемента древнеиндийскими аспиратами: kh , gh , th , dh , bh ; на месте этих аспират является звук h ;

4) исчезновение различий между тремя разными шипящими и сви-

²¹ J. Bloch, *L'Indo-Aryen du Veda aux temps modernes*, P., 1934.

²² J. Bloch, *L'Indo-Aryen*, стр. 21—22.

²³ J. Bloch, *La formation de la langue marathe*. P., 1925.

²⁴ Suniti Kumar Chatterji, *The Origin and Development of the Bengali Language*, Calcutta, University Press, 1926.

стоящими; на месте древнеиндийских звуков *ç* *ṣ* и *s* в пракритах является один звук: на западе страны *s*, на востоке ее *ç*;

5) ассимиляция групп согласных, появление на их местах долгих (двойных) согласных;

6) сокращение древнеиндийских долгих гласных перед двойными, т. е. долгими, согласными: например, др.-инд. *kāṇya* — *дело*, прк. *kaṇja*;

7) появление новых сочетаний гласных, которые в древнеиндийском языке были бы совершенно немыслимы, например, др.-инд. *hṛdaya* — *сердце*, прк. *hīaa*; *bhavati* — *есть, бывает*, прк. *haai* и *hoi*;

8) исчезновение из произношения всех древнеиндийских конечных согласных, вследствие чего все слова в пракритах стали оканчиваться на гласные;

9) сокращение долгих гласных, находящихся в конечном положении, за немногими исключениями;

10) названные нами важнейшие фонетические изменения, общие для всех пракритов, привели к радикальному изменению фонетической структуры слов, а это, в свою очередь, привело к утрате морфологической прозрачности структуры слов и структуры форм как именных, так и глагольных.

В пракритах морфологический строй все же остается флективным, но его устойчивость в весьма значительной мере нарушена как фонетическими изменениями, так и вследствие утраты морфологической прозрачности форм.

Дальнейшее развитие индо-арийских языков с логической необходимостью должно было привести к той форме среднеиндийских языков, которая называется анабхранша, где флективная система почти полностью разрушена. В последующем развитии столь же необходим был переход к аналитическому строю, характерному для новоиндийских языков.

Перечисленные большие изменения, определяющие переход от древнеиндийских языков к среднеиндийским, являются общими для всех пракритов. Явления, характеризующие развитие отдельных индивидуальных пракритов, имеют меньшее значение и часто представляются в форме диалектизмов одного и того же языка.

Этот факт имеет большое значение для истории древней Индии, так как он лишний раз свидетельствует об экономическом и культурном единстве народов северной Индии, единстве, без которого была бы немыслима общая линия развития различных пракритов.

* *

Переход от среднеиндийских языков к новоиндийским характеризуется рядом важных процессов, относящихся как к фонетике, так и морфологии.

Мы наблюдаем в области вокализма:

1) исчезновение конечных гласных, например, др.-инд. *putra* — *сын* в прк. дает *putto*, в анабхранша *puttu*, в ново-инд. языках *put*;

2) слияние в один слог гласных, оказавшихся в результате исторического развития в смежном положении, например, др.-инд. *hṛdaya* — *сердце*, прк. *hīaa*; ново-инд. *hūā*;

3) одно из частных явлений этого процесса — появление новых дифтонгов, исторически отличных от дифтонгов древнеиндийского языка, например, др.-инд. *upaṣṭa* — *осевший*, прк. *vaiṭṭha*, ново-инд. *baithna* — *сидеть*;

4) в некоторых новоиндийских языках упрощаются и эти новые дифтонги, например хинди *baith* — *сядь*, цыганск. *beš* — *сядь*;

5) Удлинение кратких гласных после исчезновения конечных гласных и сокращения долгих согласных, например, др.-инд. karma — *дело*, прк. kamma, ново-инд. kām; др.-инд. sapta — *семь*, прк. satta, ново-инд. sāt с тем же значением;

6) в ряде новоиндийских языков появляются в области вокализма диалектические различия, которые не засвидетельствованы в среднеиндийских языках. Таковы, например, др.-инд. kaṭhina — *трудный*, хинди kaṭhin, марат. kaṭhin, гудж. kaṭhan и др.

В области консонантизма наиболее важный процесс — сокращение долгих или двойных согласных, развившихся в среднеиндийских языках. Сокращение в новоиндийских языках долгих согласных имело огромное значение для развития структуры слов. Оно во многих случаях привело к исчезновению границ между старыми корнями и аффиксами.

Ряд процессов в области консонантизма, равно как и в области вокализма, в яркой форме выступающих при переходе от древнеиндийских языков к среднеиндийским, не получил завершения и в новоиндийских языках. Это приводит к диалектическим расхождениям, которые объясняются часто различием в темпах развития разных новоиндийских языков. Например, др.-инд. корень likh — *писать* в хинди звучит likh, в маратском lih(iṇē), в гуджаратском lakh(vuṇ) — *писать*.

Сопоставляя изменения, характеризующие переход от среднеиндийских языков к новоиндийским, с изменениями, происшедшими в праkritах, мы можем сказать следующее.

Основные фонетические изменения, наблюдающиеся в новоиндийских языках, имеют своим исходным пунктом огромные сдвиги, которые в яркой форме проявились в среднеиндийских языках.

Фонетические изменения, характеризующие переход от среднеиндийских языков к новоиндийским, как правило, являются логическим завершением процессов, с полной силой развивавшихся в праkritах.

Никаких принципиально новых фонетических явлений при переходе к новоиндийским языкам не наблюдается. Фонетические изменения, особенно утрата произношения конечных согласных и гласных, послужили одним из важнейших толчков к изменению морфологического строя, т. е. в весьма большой степени способствовали переходу от флективного строя к аналитическому, а в дальнейшем к синтетической формации нового типа, к новой флексии, развившейся на основе аналитических форм.

* * *

В названных трудах по сравнительно-исторической грамматике индо-арийских языков, как указано выше, в наиболее общей форме даны только важнейшие законы развития этих языков. Реально мы наблюдаем картину значительно более сложную, так как разные языки, даже следуя общей линии развития, развиваются каждый по своим особым законам.

Некоторые положения, вошедшие в труды по сравнительно-исторической грамматике, могут вызвать превратное толкование. Возьмем для примера положение, согласно которому древнеиндийские аспираты в среднеиндийских языках теряют свой затворный элемент.

Оно имеет силу применительно к огромному числу слов. Но при этом нужно иметь в виду, что начальный момент этого процесса восходит к глубочайшей древности. Явления этого рода мы наблюдаем уже в ведическом языке²⁵. Там они выступают спорадически, в праkritах же они широко распространены.

²⁵ Wackernagel, Altindische Grammatik. Göttingen, 1896, стр. 250—252.

Процесс исчезновения затворного элемента в аспиратах не завершен даже в современных новоиндийских языках. Так, вместо др.-инд. *bhava-ti* — *есть, бывает*, мы имеем в хинди *hai* — *есть*, но древнеиндийское слово *bhrātā* — *брат* сохраняет свою аспирату во всех новоиндийских языках даже и в настоящее время. Ср. хинди *bhā'i*, марат. *bhāi*, цыганск. *phral* — *брат*. Этот факт — прекрасная иллюстрация к положению И. В. Сталина: «...язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»²⁶. И далее: «...переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»²⁷.

Изучение внутренних законов развития каждого из новоиндийских языков на основе марксистского метода, является задачей будущего.

* *

Давно установившаяся индологическая лингвистическая традиция знала только один путь исследования — от древнего языка к новому, от санскрита к современным языкам. Совершенно не использован обратный путь — объяснение фактов, наблюдаемых в санскрите, явлениями более поздних форм языка.

Для примера возьмем только два факта. Во-первых, вопрос о сложных словах в санскрите. В ведическом языке в сложных словах обычно выступают два компонента, как и в русском языке. То же наблюдается в старом эпическом санскрите и в пракритах. Но в классический период развития санскрита, т. е. в IV—X вв. н. э. санскритские композиты могут достигать огромных размеров, включая несколько десятков компонентов.

Вопрос об этих многочисленных композитах остается в буржуазной лингвистике до последнего времени открытым, а между тем сравнение этих санскритских композит с синхроничными им фактами живых индийских языков делает понятным существование таких сложных слов. В живых языках этого периода, т. е. в апабхранша, флективные формы были почти полностью разрушены. С другой стороны, и аналитический строй не получил заметного развития, и текст на апабхранша и на древнейших формах новоиндийских языков производит впечатление соединения основ, синтаксические отношения между которыми не выражены. Это же наблюдается и в санскритских сложных словах. Таким образом, живой языковой узус был перенесен на мертвый литературный язык и привел к развитию многочисленных сложных слов.

Другой вопрос — вопрос о вокализме древнеиндийского языка. Во всех трудах по языкознанию, написанных как индийцами, так и европейскими буржуазными индологами и специалистами по сравнительной грамматике индоевропейских языков, указывается, что древнеиндийский язык в исторический период знал только три кратких гласных: *a*, *i*, *u*.

Во всех трудах по сравнительной грамматике индоевропейских языков говорится, что древнеиндийскому звуку *a* в подавляющем большинстве индоевропейских языков соответствуют три звука: *a*, *o*, *e*. Применительно к санскриту, который основан на одном из центральных диалектов северной Индии, это вряд ли можно оспаривать. Но если признать в древнеиндийском языке наличие многих диалектов, — а это возможно вследствие

²⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

²⁷ Там же, стр. 27.

многодиалектности ведического языка, — то можно усомниться в том, что древнеиндийский язык во всех диалектах имел в исторический период один открытый гласный *a*.

Сомнение оправдывается тем, что в разных новоиндийских языках санскритскому *a* соответствуют разные звуки. Так, в бенгальском ему соответствует *o*, в цыганском в ряде случаев *e* (э).

Таким образом, исходя из фактов, даваемых новоиндийскими языками, мы можем допустить и в исторический период в древнеиндийском, в разных диалектах его, наличие трех открытых кратких гласных: *a*, *o*, *e*. В индийском письме все эти звуки изображались одним и тем же знаком который читался по-разному в разных частях страны.

Этот вопрос, конечно, требует дальнейшего изучения.

* * *

Изучая историю индо-арийских языков, лингвисты-индологи направляют внимание исключительно на вполне отлившиеся, законченные формы их. То новое, которое нарождается в современных языках, обычно ускользает от их внимания. Так, например, общепринято, что новоиндийские языки принадлежат к аналитическому морфологическому строю. Это правильно только в отношении большинства именных и глагольных форм. Как мной было показано в одной из недавних работ, посвященных этому вопросу²⁸, в современных новоиндийских языках имеются именные и глагольные формы тройкого рода: а) аналитические, б) остатки старых флективных форм и в) новые флективные формы, развившиеся на основе аналитических.

Из всего сказанного выше мы можем сделать следующие выводы.

1. Сравнительно-исторический метод изучения языков развивался в нашей стране еще ранее принятой в буржуазной лингвистике даты официального «зарождения» сравнительной грамматики индоевропейских языков. При этом русские ученые развивали этот метод на основе установления родства санскрита с русским и другими языками.

2. Элементы сравнительного метода мы находим уже в труде индийского грамматика Панини (V в. до н. э.), который провел планомерное сопоставление санскрита с ведическим языком.

3. Рудиментарная форма сравнительно-исторического метода представлена в труде индийского грамматика Вараручи (III—II вв. до н. э.).

4. Первые труды по сравнительной грамматике новоиндийских языков органически связаны с трудом Вараручи.

5. Некоторое освобождение от традиции, установленной для сравнительно-исторической грамматики трудом Вараручи, в европейской буржуазной лингвистике наблюдается только в последние десятилетия.

6. Основной порок древнеиндийской лингвистической традиции — изучение развития языков в отрыве от истории носителей этих языков — не изжит буржуазной лингвистикой до настоящего времени.

7. Процессам, протекающим в современных формах новоиндийских языков, буржуазная лингвистика не уделяет достаточного внимания.

8. Факты новоиндийских и вообще современных живых языков почти не используются при рассмотрении сложных вопросов языков древних, известных нам только по письменной традиции.

²⁸ Флексия и анализ в новоиндийских языках. «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, вып. I, Л., 1949, стр. 3—17.

9. Сравнительно-исторический метод изучения языков может дать ценные для теории и истории языка результаты лишь при условии привлечения к изучению фактов, охватывающих всю историю языка — от глубокой древности до современности.

10. Индо-арийская система языков представляет собой явление исключительное по древности, длительности и непрерывности письменной традиции, пользующейся фонетическим письмом. Она дает возможность широкой постановки и проверки больших и важных теоретических проблем в свете всех основных положений, данных И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания».
